

**«Анналы Японии» и «Записки храма Ганго:дзи»
о начале «Закона Будды» в Ямато
Н.Н. Трубникова**

См. [Свидетельства о проникновении буддизма в Японию](#). Переводы Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова, А.Н. Игнатовича

Ранние источники отсчитывают историю знакомства с буддизмом в Японии от того дня, когда к государю Киммэй 欽明 (годы правления 539-571) прибыл посланец от Сонмёна 聖明, правителя Пэкче. Он поднес в дар государю Ямато изваяние Будды и несколько предметов храмовой утвари, а также передал письмо. Как считается, именно тогда высшие власти Ямато впервые задались вопросом о распространении буддизма в их стране. Это событие подробно описывают «Анналы Японии» («*Нихон сёки*») и «Записки храма Ганго:дзи» («*Ганго:дзи-гаран энги*»). Даты в них расходятся: «Анналы» говорят об осени тринадцатого года правления государя Киммэй, то есть о 552 г., а «Записки» — о зиме седьмого года его правления, то есть о 538 г. (здесь началом его правления считается 531 г.).

Большая часть сообщений «Анналов» от 510-х — 550-х гг. описывают действия Ямато на Корейском полуострове. С материка прибывают послы, снова и снова прося государей Ямато о военной помощи Пэкче против государств Когурё и Силла. В 552 г. положение Пэкче становится угрожающим: два его врага летом этого года объединились (Нихон сёки. Анналы Японии. Перевод со старояпонского и комментарии Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. II — Свитки XVII-XXX. СПб., 1997. С. 52). Этим могут объясняться особенно ценные дары: статуя Шакьямуни «из золота с медью», свитки с буддийскими текстами, стяги для украшения храмов и зонтики, используемые при обрядах с участием государя и его приближенных.

Тексты буддийского канона обозначаются как «книги и рассуждения», 經論, *кё:рон*. Под «книгами» 經, *кё:*, имеются в виду сутры, содержащие наставления Будды Шакьямуни или других будд, а под «рассуждениями» 論, *рон*, — шастры, труды толкователей учения. В китайском и японском буддизме весь канон часто именуется сочетанием этих двух иероглифов, хотя кроме сутр и шастр в него входят также «уставы» 律, *рицу*, санскр. «виная» — правила поведения буддийских монахов. По-китайски буддийское понятие «сутра» 經, *кё:*, кит. *цзин* (запись одной из проповедей Шакьямуни или других будд) передается тем же словом, что и название древних китайских книг: «Книги перемен» 易經, «*И-цзин*» и др.

В письме Сонмёна восхвалялось учение, способное исполнять любые желания и за это почитаемое всеми просвещенными державами материка — от Индии до корейских государств. Говорилось, что сам Будда некогда предсказал распространение своего учения на Восток, и теперь его слова должны исполниться.

Большинство исследователей согласны в том, что приводимый в «Анналах» текст послания Сонмёна не мог быть написан в 552 г. Письмо содержит цитату из «Сутры золотого света» 金光明教, «Конко:мё:-кё:», в китайском переводе 703 г. В самом послании и дальнейшем рассказе о его обсуждении выделяют еще несколько цитат из источников, вовсе не написанных к середине VI в. или же еще не освоенных в Корее. Вероятно, все послание было сочинено одним из составителей «Анналов», монахом До:дзи 道慈 (ум. 744). Исходя из этого ставится под сомнение и дата, под которой помещен отрывок. Есть предположение, что 552 год был выбран согласно учению о «трех временах» распространения буддийского Закона. По предсказанию Будды, после его ухода в нирвану Дхарма пятьсот лет будет пребывать «истинной», затем еще тысячу лет — «измененной», после чего наступит ее «конец». В Китае нирвану Будды относили к 949 г. до н.э., а значит, 551 г. оказывался первым годом «конца Закона».

Это предание могло быть известно и в Корее в середине VI в. Бедствия в Пэкче могли считаться приметой всеобщего упадка, связанного с «концом Закона». А потому «Закон» следовало поддерживать всеми способами, в том числе и путем его распространения в те страны, где он еще не известен. Приверженность одному и тому же учению могла укрепить отношения между Пэкче и Ямато, так что сама по себе присылка именно «буддийских» даров в указанное время не выглядит неуместной.

Текст послания, хотя и не может считаться источником VI в., все же заслуживает подробного разбора — хотя бы потому, что в Японии это сообщение на протяжении многих столетий считалось полностью достоверным. Мы приведем его в переводе по изданию (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 53) с краткими пояснениями. К подчеркнутым словам перевода Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова мы даем их написание иероглифами и японские чтения по изданию: Нихон сёки («Анналы Японии») / Нихон котэн бунгаку тайкэй («Полное собрание классической японской литературы»). Т.68. Токио, 1968. С. 100-103:

«Среди всех Законов (法, *минори* или *нори*) этот Закон — самый превосходный. Его трудно понять, в него трудно войти. Даже Чжоу-гун и Кун-цзы не смогли познать его. Этот закон — без меры и предела; с его помощью достигают счастливого воздаяния (福德果報, *икиои мукуи*) и высшей мудрости (無上菩提, *сугурэтару бодай*). Представь себе человека, обладающего всеми богатствами (寶, *такара*), которых он желает; что бы он ни замыслил — все происходит согласно его желаниям. То же — и с сокровищем (寶, *такара*) чудесного Закона (妙法, *таэнару нори*). То, о чем молишься (祈, *инори*) и чего желаешь (願, *нэгау*), — достигается как то задумано и исполняется без изъятия. От далекой Индии и до трех стран Кореи нет никого, кто не принял бы Учения и не последовал ему (教依奉持, *минори-ни ситагаи укэ-*

тамоцу), кто не почитал бы его и не преклонялся перед ним (尊敬, *то:тоби-уямау*)».

Здесь японское чтение *минори* («правило, закон») относится к двум разным иероглифам: 1) 法, кит. *фа*, «Закон», общепринятый перевод санскритского «дхарма» («закон», «учение»); 2) 教, кит. *цзяо*, «учение» (то же, что в сочетании «три учения»). Неясно, о каких других «многочисленных законах» 諸法, *мороморо-но нори*, идет речь. Едва ли это государственные уложения китайского образца или небуддийские учения. Скорее, государь Сонмён у составителей «Анналов» воспроизводит здесь частое в сутрах величание Дхармы Будды как наилучшей «из всех дхарм»¹¹. О буддийском «Законе» говорится как о недоступном пониманию мудрейших мужей китайской древности — Чжоу-гуна и Конфуция (Кун-цзы).

Подобная похвала выглядит необычной: в Китае, а позже и в Японии, для доказательства древности и ценности буддийского «Закона» чаще подчеркивали его близость к другим учениям, а не несовместимость с ними. Иногда рассказывали даже, будто Конфуций и Лао-цзы на самом деле были учениками Будды, которых тот направил на Восток для передачи своего «Закона». Возможно, в письме Сонмёна мудрецы Китая принижаются потому, что на китайские (но не буддийские) образцы в Корею в ту пору чаще других равнялось государство Силла, противник Пэкче. Среди держав, почитающих «Закон Будды», Китай тоже не назван, хотя и подразумевается перечислением: «от Индии до Кореи». Можно допустить, что в данном случае при составлении «Анналов» учтено было положение дел времен государя Киммэй, а не современное (начала VIII в.), когда связи Японского государства с Китаем были уже весьма развитыми, в том числе и на уровне буддийской общины (монах До:дзи, составитель «Анналов», учился в Китае в 700-х – 710-х гг.).

«Закон» именуется «чудесным», как в заглавии «Сутры о цветке лотоса чудесной Дхармы», одной из трех сутр, наиболее известных в Японии в VII-VIII в. Он обозначается как «сокровище», и хотя здесь речь еще не идет о «Трех Сокровищах», но в ряду других обозначений «почитания» встречается знак 敬, *кё:*, входящий в сочетание 歸敬, *кикё:*, «почтительно искать прибежища» (у Будды, учения и общины). Упомянуты «плод и воздаяние» 果報, *кахо:* (*мукуи*), но сказано только о воздаянии «счастьем и благом» 福德, *фукутоку* (*икиои*) за почитание буддийского учения, без отсылок к содержанию самого этого учения — к воздаянию счастьем за добрые дела и горем за злые.

Можно считать это место в послании указанием на то, что почитание «Трех Сокровищ» в Японии в VIII в. и в дальнейшем будет цениться прежде всего как способ достичь «пользы и выгоды в здешнем мире», а не как путь освобождения из этого мира. Но тут же говорится о наивысшем «бодхи» 菩提, *бодай* — то есть о цели, поставленной внутри учения Будды и настолько отличной от каких-либо других целей, что ее название китайские переводчики предпочитали транскрибировать, а не переводить. «Мудрость» в русском

переводе — условная замена этого термина, в большинстве случаев его передают как «просветление». Здесь государь Сонмён у составителей «Анналов...» говорит как приверженец буддизма, для кого слово «бодхи» не нуждается в каких-либо пояснениях.

Далее летопись рассказывает о том, как послание было воспринято:

«Выслушав до конца, государь заплясал от радости и объявил свою волю посланцу: “Со времен давних и до времен нынешних Мы не слышали о таком удивительном Законе. Но Мы сами решить не можем”. Поэтому государь спросил у каждого из сановников: “Ослепителен облик Будды, преподнесенного нам соседней страной на западе. Такого у нас еще не было. Следует ли почитать его (禮, *иямау*) или нет? ”».

Здесь использован другой глагол и другой иероглиф, нежели в тексте послания. Там говорилось, что учению «следуют», *ситагау*, и при этом «почтительно принимают и крепко держат его», *укэ-тамоцу*. Из двух знаков в сочетании 奉持, *укэ-тамоцу*, первый часто служит записью глагола *татэмацуру* — «почтительно подносить» (богам, государю). Еще в письме говорилось, что учение «ценят», 尊, *то:тобу*. Иероглиф 尊 со значением «ценить» и чтением *сон* служит общим обозначением будд, бодхисаттв и других почитаемых существ, как в сочетании 本尊, *хондзон* — «главный почитаемый» храма, то есть тот будда, кому посвящен данный храм. Однако государь Киммэй в своем вопросе задействует глагол *иямау*, близкий к *уямау*, но переданный иероглифомом 禮, кит. *ли* — обозначением китайского «обряда». Примечательно, что с посланцем из Пэкче государь говорит о «Законе», а к своим приближенным обращается с вопросом о «Будде» 佛, *хотокэ*.

Первым откликается Сога-но Инамэ, тесть государя и смотритель кладовых Ямато: «Все соседние страны на Западе почитают его (禮, *иямау*). И разве только одна страна — страна Урожайной Осени Ямато — может отвергнуть его?». В японском тексте, как и в русском переводе, не указано, кого или что они «почитают», — речь может идти о «Законе», а может и о Будде. Далее свое мнение высказывают Мононобэ-но Окоси 物部尾輿, старший над государевой охраной, и Накатоми-но Камако 中臣鎌子, глава крупнейшего жреческого рода. Они возражают: «Правители, пребывавшие в Поднебесной нашей страны во все времена, весной, летом, осенью и зимой почитали (祭拜, *мацуру*) 180 богов (神, *ками*) в святилищах Неба и Земли. Если же станем заново почитать (拜, *огаму*) бога соседних стран (蕃神, *атаси кунин-но ками*), тобоги нашей страны (國神, *куницуками*) могут разгневаться». Здесь уже звучат глаголы, относящиеся к обряду божествам Ямато, — *мацуру* и *огаму*. К буддийскому

«Закону» больше не возвращаются, а спорят о почитании «чужеземного божества»^[2].

Человекоподобных изображений *ками* обряды Ямато не предполагали. Очень часто в святилищах «тело божества» хранилось в ларце и его облик не был известен даже жрецам. Почему же изваянный из меди и позолоченный Будда был воспринят как «божество»? Вероятно, сановники Ямато достаточно много знали уже об обычаях жителей материка и имели представление о том, что перед такими изваяниями буддисты совершают свой обряд. Таким образом, в «Анналах» описано не первое знакомство с буддизмом, а скорее, первое обсуждение вопроса об отношении к буддийскому обряду на государственном уровне.

Государь принимает решение отдать статую Сога-но Инамэ, чтобы тот «попробовал почитать ее» (禮拜, *иямаи-огаму*). Здесь использованы два глагола со значением «почитать»: один прежде звучал в репликах государя и Сога-но Инамэ, второй — в ответе жрецов. О том, как распорядились присланными текстами и утварью, не говорится ничего.

Несколько иначе рассказ о дарах и послании Сонмёна построен в «Записках храма Ганго:дзи». Этот отрывок мы разберем, пользуясь русским переводом А.Н. Мещерякова (Буддизм в Японии. М., 1993. С. 416), а также изданием [Ганго:дзи 1980, 8-9, 328]. Здесь вместе со статуей «царевича» (太子, *тайси*)^[3] посланец из Пэкче привозит утварь для «окропления Будды» (灌仏, *камбуцу*), то есть для обряда, совершаемого при установлении в храме новой статуи. Отсюда можно заключить, что статуя посылалась именно для будущего храма, а не просто как ценный дар. Кроме того, посланец подносит запись с проповедью о «начале Будды» (仏起を説ける書, *буцуки-о токэру сё*) — возможно, имеется в виду текст, повествующий о том, как Будда достиг просветления. Письмо Сонмёна приводится в гораздо более кратком виде: «Истинно ведаю: закон Будды превосходит все другие учения (он — «наивысший в мире» 世間無上, *сэж эн мудзё*:). Следует исповедовать его (修行, *сю:гё*:) и в этой стране». Сочетание *сю:гё*: (или *сю:го*:) позднее служит в Японии основным обозначением буддийского «подвижничества» — любых действий, совершаемых в ходе почитания «Трех Сокровищ».

Государь Киммэй не выражает какого-либо собственного отношения к полученным дарам, а советуется со своими приближенными, спрашивая: «подходят ли нам вещи, присланные из другой страны»? («нужно ли использовать их или не использовать», 用ゐるべき用ゐざるや, *мотирубэки-мотиидзару-я*). Сановники, не названные по именам, отвечают: «В нашей стране престолы 108 божеств небесных и земных собраны для поклонения (礼奉, *иямаи-татэмацуурэри*) в одном месте. Поскольку страшимся гнева наших земных божеств (国神, *куницуками*), поклоняться (禮拜, *иямау*) богам другой страны не должно». Здесь знак 礼, *рэй*, — вариант знака 禮, *рэй/иямау*, в

«Анналах» он встречался в репликах государя и Сога-но Инамэ. Сановники ведут речь об «обрядовых вообще» (禊, кит. *ли*), но слов, близко связанных с собственно островным обрядом божествам *ками*, они не произносят. Возможно, в буддийском тексте, таком как «Записки», подобные слова считались неуместными. То, что один из противников Сога принадлежит к древнему жреческому роду Накатоми, в «Записках» не подчеркивается. Имена Накатоми и Мононобэ в этом источнике названы позже, когда они сожалеют о своих прежних словах и выражают готовность почитать «Три Сокровища». Поэтому и опасения сановников выглядят не столь вескими.

Сога-но Инамэ возражает: «Почитаемое («ценимое», 貴, *то:токи*) в других странах следует почитать («ценить», 貴, *то:тоси-то сурү*) и в нашей стране». Таким образом, в «Записках», как и в «Анналах», Сога-но Инамэ и «сановники», отвечая на вопрос Киммэй, используют разные глаголы. Выражения Инамэ и государя в «Записках» вообще не отсылают напрямую к какому-либо обряду («использовать», «ценить»). Однако в ответ на вопрос государя о том, куда поместить полученные дары, Инамэ отвечает: будем поклоняться (奉, *татэмацуру*) им во дворце государыни — имеется в виду дочь Киммэй и внучка Сога-но Инамэ, будущая государыня Суйко ^[4]. Отец сообщает дочери, что в ее дворце в Мукухара поместят «чужестранного бога» (他国神, *адаси кунино ками*), и она повинуется. В дальнейшем повествовании «Записок» будущая государыня несколько раз спасает этот первый в Японии буддийский храм от погромов, именуя его «своим дворцом» — то есть местом, которое требует «почтительного» отношения как место пребывания одной из родственниц государя. Отметим более мягкое выражение в «Записках» по сравнению с «Анналами»: здесь Будда назван «божеством другой страны» — а не «варварским» (правда, традиционные прочтения сглаживают эти различия, видные по записи иероглифами слов *адаси кунини*).

Изваяние действительно помещают во дворец, и после этого Закон Будды начинают «тайно» («частным образом» 祕, *хисока-ни*) исполнять (*сю:гэ:*) люди родом из Пэкче, Когурё и Хань. Едва ли они делают это во дворце государыни; скорее, речь идет о том, что решение государя Киммэй было воспринято как дозволение переселенцам почитать Будду.

В обоих источниках рассказ о послании Сонмёна и последующем споре между его сподвижниками содержит важный мотив: спор о том, какие действия следует совершать по отношению к «чужеземному божееству». Письмо, сопровождавшее дары из Пэкче, в обоих случаях не проясняет дела — и собеседники выбирают название для этих действий, исходя из своего собственного обрядового и придворного опыта. Одна сторона считает, что в данном случае предмет «почитания» («чужой бог») и способ почитания (принятый для «своих» богов) несовместимы, другая предлагает некое компромиссное решение.

«Анналы Японии» сообщают, что Сога-но Инамэ, приняв статую Шакьямуни, поместил ее в своем доме и стал прилежно «выполнять обряды

ухода от мира» 世を出づる業を修めて因とす, ё-о идзуру вадза-о осамэтэ ёсуга-то су. Здесь 業, гё:/вадза, — наиболее общее обозначение буддийского «обряда», а также всякого «деяния», когда оно оценивается с точки зрения благих или дурных последствий согласно буддийскому учению о воздаянии. Знак 修, сю:/осамэру, «выполнять», может относиться к любым действиям, так или иначе связанным с почитанием «Трех Сокровищ».

Сочетание 修業, сю:гё:, «совершать деяния», подвижничать», можно считать в этом смысле равнозначным сочетанию 修行. Направленность подобных действий здесь уже обозначена как 出世, «выход из мира» (или — из «череды поколений» 世, ё), что указывает на важнейшую цель буддийского учения: преодолеть круговорот рождений и смертей.

Заметим, что изложение в «Анналах» дает постепенное приращение сведений о буддийском Законе. Разумеется, оно не следует «историческим фактам» в привычном нам смысле, но его связность задается за счет последовательного усложнения образа «иноземного божества». Правда, монашеский и мирской способы следования Закону Будды здесь пока не различаются. Дальнейшие дела Сога-но Инамэ, описанные в летописи, никак не указывают на то, что он стал монахом. Далее в «Анналах» сказано, что Сога-но Инамэ провел «очищение» 淨捨, киёмэ-хараи, в своем доме в Мукухара 向原 и сделал его «храмом» 寺, тэра

После этого в стране начались болезни. Мононобэ-но Окоси и Накатоми-но Камако приписали их тому, что прежний их совет не был принят, и на сей раз государь согласился с ними. Изваяние Будды было выброшено в канал Нанива 難波. «Храм», здесь называемый 伽藍, гаран (от санскр. «сангхарам», «общинное жилище»), был сожжен. Толкователи «Анналов» считают, что это сделано было с целью «очищения» места после пребывания в нем «чужеземного бога». Но тогда же внезапно загорелся «большой зал государева дворца» — хотя «не было ни ветра, ни облаков» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 54). Летопись просто отмечает это совпадение, но не определяет его как «чудо». Однако в дальнейшей японской традиции «чудеса», связанные с храмами, буддийскими статуями, книгами и пр., часто будут иметь похожий вид — немедленное и наглядное «воздаяние» несчастьем за дурные дела или счастьем за хорошие. Сама по себе «чудесность» подобной реакции выражается в том, что она наступает сразу, тогда как обычно между деянием и его последствиями имеется временной промежуток, включающий в себя несколько промежуточных звеньев причинно-следственной цепи.

Когда именно произошел разгром первого буддийского храма, в «Анналах» не указано. Можно понять их сообщение так, будто все перечисленные события относятся к 552 г. О том, что статуя Будды была брошена в канал Нанива, говорят также «Записки». Подобным образом в Ямато пытались избавиться и от других буддийских изваяний. «Японские легенды о чудесах» приводят объяснение этого шага: «Пусть себе поскорее плывут в Корею» (Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-

й и 3-й. Перевод со старояпонского, предисловие и комментарий А.Н. Мещерякова. СПб., 1995. С. 43), то есть целью было вернуть «чужих богов» туда, откуда их привезли.

Признание нового обряда на государственном уровне могло укрепить положение переселенцев, которым покровительствовали Сога, а в будущем, возможно, и ослабить жрецов Ямато в их роли государевых советников. Остается открытым вопрос, что именно вызвало неприятие сановников: само чужеземное божество и связанный с ними обряд — или же то, что с помощью введения этого обряда Сога-но Инамэ мог добиться еще большей власти.

В «Записках храма Ганго:дзи» советники государя высказываются более определенно: бедствия пришли из-за почитания (礼, *иямау*) «чужого божества» (Буддизм в Японии. С.416; Дзися энги («Записки храмов и святилищ»). Токио, 1980 (серия «Нихон сисо: тайкэй», «Собрание японской общественной мысли», Т. 20). С.9-10]. Сога-но Инамэ возражает: причина не в этом. Тогда советники прямо заявляют: причина в том, что **«не слушают нас, детей родных божеств»** (神の子等, *ками-но кора*). Государь склоняется к мысли, что бедствия пришли из-за **«преступного почитания»** чужеземного бога (礼罪, *иямаи-но цуми*). Сога-но Инамэ внешне признает это, но замечает, что «сердцем» при этом не отворачивается от будды; государь не осуждает его решения. Напомним, что «Записки» относят эти события к 538 г.

Далее говорится: тридцать с лишним лет спустя, тяжело заболев, Сога-но Инамэ сообщил своим внуку и внучке (позже известным как государь Ё:мэй и государыня Суйко), что их отец, государь Киммэй, в свое время все-таки стал почитать Закон Будды, несмотря на противодействие советников. И только после смерти Сога-но Инамэ, в 570 г., его противники выбрасывают изваяние будды в канал, а храм сжигают. Однако, согласно «Запискам», будущая государыня Суйко объявила храм в Мукухара своим дворцом и не позволила поджечь его. Статую Шакьямуни, как и утварь для «окропления Будды», ей и ее брату Ё:мэй удалось спасти и спрятать, и в итоге эти предметы оказались в храме Ганго:дзи.

Затем **«сердца богов разгневались»** (神の心増益, *ками-но кокоро икари-иямаси*). Многие люди стали умирать от болезней, началась сильная засуха, а после нее — дожди, и наконец, сгорел дворец государя. Тогда Киммэй призвал к себе дочь и сына (Суйко и Ё:мэй) и сказал: **«Страшен бог-Будда** (恐きもの仏神, *касики-моно симбуцу*). **Не забывайте слов деда. Никогда с ненавистью не отбрасывайте от себя бога-Будду»** (仏神は憎み捨つべからず, *буцусин-ва нукуми-суцубэкарадзу*). Дворец в Мукухара государь велел сделать храмом, а жилище этих своих детей перенести в другое место. Вскоре Киммэй скончался. Прошло десять лет, и Суйко с разрешения своего единокровного брата и супруга, государя Бидацу, стала тайно исполнять наставления деда и повеления отца. Она и ее родной брат Ё:мэй перенесли свой дворец из Мукухара в Сакураи и там обустроили

«место пути» 道場, *до:дзё:* (так в буддийских текстах обозначается место проповеди Будды). Там же они спрятали и сосуды для «окропления». После этого в стране снова начались бедствия. В 584 г. сын Сога-но Инамэ, Умако 馬子, спросил о них «прорицателя» 筮卜, *дзайбоку*. Тот сказал: бедствия посылает тот бог, которого чтит твой отец. Тогда Сога-но Умако предпринял поиски «желающих стать монахами» 出家すべき人, *сюккэ-субэки хито*, и таких людей удалось найти (Буддизм в Японии. С. 417-418). Далее в «Записках» рассказывается о судьбе первых японских монахинь.

«Анналы Японии» пока ничего не говорят о «гневе Будды». Между 552 г. (получение даров и послания от государя Сонмёна) и 584 г. («начало Закона Будды в Японии») здесь дается четыре сообщения, так или иначе связанных с почитанием «чужого божества».

В 553 г. в море у побережья земли Кавати были слышны «звуки Закона Будды» 梵音, *нори-но ото*, и видно сияние.

В буддийских текстах иероглиф 梵, *бон*, здесь читаемый как *нори*, обозначает санскрит, язык «истинных слов» (真言, *сингон*, санскр. «мантра»). Мантры — это особые формулы, они звучат при обрядах в их исходном «индийском» произношении, а не в переводе на китайский или какой-то другой язык буддийского канона. Нередко они же используются в виде надписей индийским письмом. Как правило, мантры представляют собой величание одного из будд, бодхисаттв, одной из сутр и т.д. Считается, что хотя мантры и кратки, но при их воспроизведении каждый слог (или буква) приносит большие благие последствия. Повторение мантр может применяться как одно из средств достижения «сосредоточения» (самадхи).

Согласно летописи, вскоре удалось выяснить, откуда в море раздаются необычные звуки. Недалеко от берега плавало бревно камфарного дерева, излучавшее свет. Его поднесли государю Киммэй, и тот повелел вырезать из бревна две статуи будд. Позже эти изваяния передали храму в горах Ёсино 好野, и они продолжали светиться (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 54). Камфарное дерево 楠, *кусуноки*, в обрядах *ками* также играло важную роль — из него изготавливались лодки, посвящаемые божеству грома. В «Японских легендах о чудесах» приводится рассказ о находке в море чудесного дерева, из которого затем были вырезаны изваяния — правда, там это событие относится к правлению государя Бидацу (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 79). Вероятно, «звуки Закона», упоминаемые в «Анналах», соотносятся с громовыми раскатами; в «Легендах» о дереве говорится, что оно было поражено молнией. Отметим, что в сутрах проповедь Будды нередко сравнивается с «благоприятным дождем». В дальнейшем в Японии одним из самых распространенных буддийских обрядов было моление о дожде.

В 555 г., после гибели государя Сонмёна, захваченного в плен войсками Силла, в Ямато прибывает его сын Хе — младший брат Ёчхана, позже ставшего государем Пэкче. «Сановник Сога» (вероятно, Сога-но Инамэ)

обращается к царевичу со словами утешения и вопрошает: что же за «вина» 咎, *тога*, принесла подобное несчастье? Хе не находит ответа, и Сога дает его сам. В давние времена, напоминает он, один из государей Ямато (известный под именем Ю:ряку, V в.) принял решение оказать помощь Пэкче. Он при этом следовал воле «божества-основателя страны» 邦を建てし神, *куни-о татэси ками*. А божество это спустилось с неба и «выстроило государство» 国家を造り立つ, *куни-о цукуруи-тацу*, в те древнейшие времена, «когда разделились Небо и Земля, и когда травы и деревья умели разговаривать». Волю этого божества узнал по приказу государя «глава Палаты божеств Неба и Земли» 神祇伯, *камуцукаса-но ками*, спросив о ней через «жрецов» 祝者, *хо:ри* или *хафури*. Теперь же, как слышал Сога, в Пэкче это божество «забросили и не почитают» 輟てて祀らず, *сутэтэ мацурадзу*. Если для божества снова обустроят святилище 神の宮を修ひ理めて, *ками-но мия цукурои-осамэтэ*, и станут «почитать его дух» 神の靈を祭り奉る, *ками-но митама-о мацури-татэмацуру*, тогда страна Пэкче вернет себе былое процветание (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 60).

Названной «Палаты» в V в. в Ямато еще, разумеется, не было, как не было ее и в VI в. — здесь составители летописи допускают анахронизм. Под «жрецами», вероятно, имеются в виду прорицатели, вещавшие в состоянии одержимости божеством. Обозначение «почитания» божества отсылают к обрядам *синто*., а само божество именуется основателем «государства» 国家, *кокка/куни*. Можно предположить, что речь в этом отрывке идет о некоем обмене обрядами между двумя странами. Попытки Сога ввести в Ямато почитание Будды должны были бы сопровождаться встречными мерами в Пэкче — а именно, созданием святилища того бога, которого чтит государь Ямато (не как своего предка, а как основателя державы). Дж.Б. Сэнсом предполагает, что таким богом должен был стать Онамутти (Окунинуси). Возможно, почитание этого божества когда-то было общим у жителей Японских островов и Корейского полуострова (Сэнсом Дж.Б. Япония: краткая история культуры. СПб, 1999. С. 73). Если бы Сога удалось добиться такого обмена, то положение его рода, а также всех переселенцев из Кореи на Японских островах и с островов — в Корею могло бы укрепиться. Едва ли подобное развитие событий сочли бы выгодным для себя тогдашние советники государя Киммэй из родов Мононобэ и Накатоми — однако действия Сога в таком случае вовсе не выглядят как попытки принизить обряды *ками* за счет «Закона Будды».

Далее «Анналы» сообщают, как в том же 555 г. в Пэкче наследник Ёчхан высказывает своим сановникам и народу желание «уйти из дому», став монахом. Те отговаривают его, указывая, что в таком случае некому станет творить обряды предкам их страны 國宗, *куни-но мацури*. В итоге Ёчхан соглашается, чтобы «вместо него» монашество приняли сто человек из числа его подданных (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 60-61).

Следующие сообщения «Анналов...» относятся уже к правлению государя Бидацу. О нем летопись сообщает, что он «не верил в Закон Будды и любил сочинения литературные и исторические» 佛法を信じたまはずして文史を愛みたまふ, *хотокэ-но минори-о укэтамавадзуситэ сируси-фуми-о кономитамау* (Нихон сёки. Указ. изд. Т.П. С.69). К первому месяцу правления Бидацу (лето 572 г.) относится случай, когда при необходимости прочесть тайное послание из Когурё (написанное черной тушью на черных вороньих перьях) отличился некто Ван Сини, не входивший в число государевых писцов, однако преуспевший в учебе; государь повелел этому человеку остаться во дворце. Это сообщение можно считать примером того, как в Ямато людей принимали на службу по способностям, а не по происхождению, что соответствует одной из важных установок конфуцианского учения (впрочем, и в VI в, и в дальнейшем происхождение все-таки играло наибольшую роль). Однако, не отказываясь использовать на службе грамотных переселенцев, государь Бидацу и в дальнейшем не поддерживал чужеземного обряда.

Вместе с тем, под 577 г. упоминается некий «принц крови Оовакэ», чья родословная, по словам летописцев, неизвестна; он был направлен «наместником» в Пэкче. Через него государю Бидацу были переданы буддийские книги 經論, *кё:рон*, а также присланы шесть человек, чья подготовка была связана с «Законом Будды». Это были: наставник буддийского «устава» 律師, *рисси*, наставник «сосредоточения» 禪師, *дзэнси*, монахиня 比丘尼, *бикуни*, чтец «заклятий» (мантр) 呪禁師, *дзюкому-но хакасэ*, ваятель, умевший изготавливать буддийские статуи 造佛工, *хотокэ-цукуру такуми*, а также и строитель храмов 造寺工, *тэра-цукуру такуми*. Говорится, что из поселили в храме принца Оовакэ в Нанива. Неясно, что за родич государя и какой храм имеются в виду, но это место в летописи дает список лиц, необходимых для совершения храмового буддийского обряда.

В 584 г. двое жителей Ямато привезли из-за моря два изваяния. В «Анналах Японии» одно из них названо «каменной статуей Мироку» из Пэкче, другое «статуей Будды». Сога-но Умако попросил обе статуи себе.

Мироку 彌勒, санскр. Майтрейя почитается как «просветленное существо», бодхисаттва. Ему после крушения нынешнего мира предстоит стать «историческим буддой» в будущем мире. Ожидание прихода Майтрейи было связано с учением о «конце буддийского Закона». В Китае, Корее и позже в Японии завершение одной мировой эпохи и начало другой редко описывали как полное разрушение мироздания и появление нового, как то представлено в индийских буддийских источниках. Чаще говорилось, что Майтрейя придет в нынешний мир, клонящийся к упадку, и обновит его. Тогда общественные и природные бедствия прекратятся, и будет положено начало счастливым временам.

Умако велел своим людям повсюду искать «исполнителей» 修行者, *оконaihито*, то есть тех, кто знал бы правила проведения буддийского обряда. Этим же словом 修行者 с чтением *сю:гё:ся* будут позже называть «подвижников», полностью оставивших мирские дела ради Закона Будды, — как монахов, так и мирян, ведущих себя по-монашески. Но здесь в «Анналах» слово 修行, *сю:гё:/оконaih* указывает не на образ жизни, а на знание обрядов как таковых. Поисками занимались двое сподвижников Сога — Сибя Датито^[5], а также Икэнобэ-но Хита 池邊氷田, тоже потомок переселенцев^[6].

Найти «исполнителя» оказалось непросто, и лишь в земле Харима 播磨 сыскался «монах, вернувшийся в мир» 僧還俗, *хо:сикаэри*, родом из Когурё по имени Хе Пхён 惠便. Вероятно, этот человек прибыл в Ямато сравнительно недавно, а на родине у себя был монахом, то есть прошел посвящение в храм. «Записки храма Ганго:дзи» сообщают, что этот монах, здесь обозначенный как 比丘, *бику* (запись санскритского «бхикшу» — «нищий» или «монах»), был стар годами и «снял одеяние» 脱衣, *тацуэ*, то есть сменил монашескую одежду на мирскую. Кроме него нашлась еще пожилая монахиня по имени Хо:мэй 法明.

Согласно «Анналам», Сога-но Умако сделал Хе Пхёна своим наставником 師, *нори-но си*. Кроме того, он велел бывшему монаху посвятить в монахини одиннадцатилетнюю дочь Сибя Датито — дать ей «переправу».

В буддийских текстах часто встречается образ учения как корабля, служащего для переправы через поток страданий. Отсюда выражение «получить переправу» 得度, *токудо*, в значении «принять монашеские заповеди».

Девочка стала монахиней под именем Дзэнсин 善信. «Записки храма Ганго:дзи» приводят ее мирское имя — Симамэ 斯未売. Хэ Пхён посвятил в монахини и еще двух девочек, названных в летописи «ученицами» Дзэнсин. Одна была дочерью Аябито Ябо 阿野師保斯, потомка переселенцев из Китая, и в миру звалась Тоёмэ 等己売, а в монашестве получила имя Дзэндзо: 禪藏. Другая, дочь Нисикори-но Цубуёси 錦師都瓶善 (вероятно, потомка переселенцев из Пэкче), в миру носила имя Исимэ 伊志売, а в монашестве — Эдзэн 惠善^[7]. Заметим, что две эти девочки могли считаться «ученицами» Дзэнсин, хотя она сама была еще очень неопытной монахиней. Но возможно и другое: «Анналы» здесь сводят воедино события разных лет: дочь Сибя Датито стала монахиней когда-то раньше (возможно, в детстве), и к 584 г. она уже обучила буддийскому Закону двух девушек, а Хэ Пхён лишь провел обряд их посвящения. Тогда рассказ «Анналов» косвенным образом подтверждает данные «Записок о стране Помощной Шелковицы» о том, что Сибя Датито начал чтить Будду в Ямато задолго до того, как вопрос о «чужеземном божестве» стали обсуждать при дворе государя Киммэй.

Согласно и «Анналам», и «Запискам», названные три девушки были первыми из жителей Ямато, кто прошел монашеское посвящение. Однако в

«Записках» их общей наставницей названа монахиня Хо:мэй. Любопытно, что «Записки» вообще подчеркивают ключевую роль женщин в первые годы распространения Закона Будды в Ямато — и монахинь, и государыни Суйко.

Можно предположить, что девушки, а не юноши, были выбраны для принятия монашества потому, что уход дочерей из дому считался меньшим уроном для их родной семьи. С другой стороны, в святилищах «специалистами по обряду», жрицами, также бывали девушки, тогда как жрецы могли помимо обрядовой деятельности исполнять обязанности глав своих семей, быть советниками государей и т.д.

Таким образом, источники VIII в. относят к 584 г. появление в Ямато местной буддийской общины — третьего «сокровища» наряду с Буддой и его Законом, Дхармой. В «Анналах» говорится, что Сога-но Умако, следуя Закону Будды, «сам» («в одиночку» 獨, *хитори*), стал «почитать» трех монахинь 敬, *уямау*, поселил их во «дворце Будды» 佛殿, *хотокэ-но о:доно*, выстроенном к востоку от его собственного дома, и повелел, чтобы Сиба Датито и Икэнобэ-но Хита одевали и кормили монахинь. Обратим внимание на то, что здесь с самого начала четко определяется место пребывания монахинь и назначаются миряне, ответственные за их обеспечение. Ясно, что в то время монахини едва ли могли бы странствовать по стране, прося подаяние, как то предписано буддийским уставом, — даже если допустить, что среди переселенцев *кикадзин* многие уже были знакомы с буддийским учением и готовы давать милостыню монахиням. Однако и позже в Японии нищенский образ жизни монахов не поощрялся: община почти всегда находилась на казенном обеспечении. В том же «дворце» Сога-но Умако поместил и полученное им изваяние Майтрейи.

В «Записках» прибытие из Пэкче каменной статуи Майтрейи описано после рассказа о посвящении трех монахинь. Местом пребывания монахинь там становится молельня в Сакураи, и это решение принимают втроем: Сога-но Умако, будущая государыня Суйко и ее брат, будущий государь Ё:мэй.

«Анналы» сообщают, что по распоряжению Сога-но Умако монахини провели «большое собрание» 大會, *дайэ*, со вкушением «постной пищи» 設齋, *огами*. Это был первый буддийский обряд, совершённый монахинями в Ямато. Вероятно, он состоял в том, что была приготовлена особая пища — не содержащая убоины и пряностей. Монахини вкушали ее все вместе, собравшись для этого до полудня, как того требует буддийский монашеский устав, и для них это должна была быть единственная трапеза в течение суток. Часть пищи при подобных трапезах выставлялась как подношение перед изображением будды, бодхисаттвы или другого «почитаемого» существа, в данном случае это могло быть изваяние Майтрейи. Миряне могли присутствовать при таких трапезах или участвовать в них — тогда им тоже следовало поститься в течение суток, ближайших к «постной трапезе», или хотя бы воздерживаться от мясной и острой пищи.

И в «Анналах», и в «Записках» говорится, что в посуде с постным кушаньем Сиба Датито обнаружил 舍利, *сяри*, санскр. «шарира». Этим словом

называются останки тела Будды Шакьямуни — точнее, его похоронного костра. По преданиям, перед уходом в нирвану Будда распорядился, чтобы после сожжения его тела пепел, угли и обгоревшие кости раздали тем племенам, у которых при его жизни он и его ученики находили приют и получали милостыню. Соответственно, находки «шарира» в других странах в позднейшие времена означают, что и тамошние народы вошли в число гостеприимцев Будды, благотворителей его общины. Этим объясняется место находки — сосуд с пищей, приготовленной для трапезы монахинь. (Подробнее о «шарира» и их почитании в Японии см. *Kidder E.J.Jr. Busshari and Fukuzō: Buddhist Relics and Hidden Repositories of Hōryū-ji // Japanese Journal of Religious Studies* 19/2-3 (1992). P. 217–244).

Для хранения «шарира» строились особые сооружения, на санскрите называемые «ступа», а по-японски 卒塔婆, *сото:ба* или же кратко 塔, *то:.* Эти же сооружения в отечественных и западных исследованиях обычно называют словом «пагода» («pagoda»). Обычно пагода имела в каждом храме. В отличие от других храмовых построек, пагода доступна для обозрения только снаружи, входят в нее лишь для проведения ремонта здания.

Слово *сото:ба* может также обозначать любые надгробия на месте захоронения праха тел, сожженных по буддийскому обряду — будь то тела монахов или мирян. Обряд сожжения мертвых тел, принятый в Индии, по мере распространения буддизма перенят был и многими другими странами, в том числе и Японией, постепенно вытеснив погребения в гробах.

Летопись сообщает, что Сиба Датито «преподнес» найденные останки Сога-но Умако. Тот решил испытать их — положил на железную наковальню и ударил по ним железным молотом. И молот, и наковальня разбились вдребезги, однако «шарира» ничуть не пострадали. Затем останки бросили в воду, и они «по желанию сердца» 心の所願の隨に, *кокоро-но нэгаи-но мама-ни*, то всплывали, то погружались^[8]. Умако, Датито и Хита «приняли и стали хранить Закон Будды» («стали глубоко верны» ему 佛法を深信, *хотокэ-но минори-о тамоти-укэру*), и не отступали от его «исполнения» 修行, *сю:гэ:.*

В «Анналах» этот рассказ завершается словами: «Закон Будды ведет начало с этих пор» 佛法の初め茲より作り, *Хотокэ-но минори-но хадзимэ корэ-ёри окорэри.* «Записки» считают «началом Закона Будды» события 538 г. (по их датировке), когда государь Киммэй получил дары и послание из Пэкче.

Во втором месяце 585 г. Сога-но Умако поместил найденные «шарира» на вершину главного столба пагоды, выстроенной к северу от холма О:но. При этом тоже было проведено «великое собрание» и «вкушение постной пищи». «Записки» сообщают просто о возведении столба. В тот же день государь Бидацу изрубил столб и снова начал уничтожать буддийские изваяния, сжигать храмы и преследовать сторонников «Закона Будды». Трех монахинь схватили и сорвали с них монашеские одеяния. Будущая государыня Суйко не позволила разрушить храм в Сакураи, снова указав, что это — ее дворец.

Монахини спрятались там. В стране начались болезни, причем больные говорили: их тела словно бы что-то жжет и режет.

Вероятно, здесь дается отсылка к образам буддийских «подземных темниц» 地獄, *дзигоку*, — страшных мест под землей, где перерождаются самые закоренелые злодеи. За свои преступления они терпят там муки огнем, взбираются на деревья с ножами вместо листьев и т.д.

Заболел и Сога-но Умако. Он попросил разрешения у государя снова чтить Закон Будды. Разрешение было дано, но только ему одному. Монахини в Сакураи снова стали совершать обряды, а после смерти государя Бидацу они попросили разрешения отправиться в Пэкче (см. ниже).

В «Анналах» события описаны несколько иначе. В том же втором месяце 585 г., когда останки Будды были помещены в пагоду, Сога-но Умако заболел. «Прорицатель» 卜者, *урабэ*, сказал, что причина этого недуга — «вред» («проклятие») 祟, *татари*. Источником «вреда» он назвал «сердце бога-Будды» 佛神の心, *хотокэ-но кокуро*, которого «почитали» 祭, *мацуру*, во времена отца Умако, то есть Сога-но Инамэ. Глагол *мацуру* здесь тот же, что и в ответе жрецов Мононобэ и Накатоми на вопрос государя Киммэй о почитании Будды. Одного из молодых родичей семьи Сога послали к государю доложить об итогах гадания. Бидацу повелел Умако, чтобы тот «поклонялся богу своего отца и делал ему приношения» 父の神を祭ひ祠る, *Кадо-но ками-о иваи-мацуру*. Здесь образ поведения, который государь предписал Сога-но Умако, назван словами, используемыми для описания обрядов божествам *ками*. Действия самого Умако, последовавшие за этим, обозначены словами 禮拜, *иямаи-огаму* — точно так же, как в повелении государя Киммэй, обращенном к Сога-но Инамэ.

После этого в стране начинаются болезни, и представители родов Мононобэ и Накатоми объявляют их причиной почитание Закона Будды. Государь соглашается с их мнением, и в присутствии главы рода Мононобэ, Мория 守屋, храм будды разрушают. Сжигают и пагоду, и статую, и сам храм, а обгоревшие остатки изваяния сбрасывают в канал Нанива. И снова с безоблачного неба идет дождь. Мононобэ-но Мория требует привести монахинь, и Умако вынужден исполнить его требование. С монахинь срывают монашескую одежду и подвергают их порке на рынке в Цукуси.

Между тем, болезни продолжают продолжаться. Люди, страдающие от язв, признаются, что их тела будто жгут огнем и бьют. Сога-но Умако докладывает государю: без почитания «Трех Сокровищ» спастись от болезней будет невозможно. В этом месте в летописи впервые появляется словосочетание «Три Сокровища», *самбо*:. Государь разрешает Умако чтить Закон Будды самому, но не привлекать к этому других. Монахини возвращаются, и Умако строит для них новый храм. Осенью 585 г. государь Бидацу умирает. Сога-но Умако и Мононобэ-но Мория произносят поминальные речи, причем первым говорит Умако, а Мория насмехается над ним, и тот отвечает насмешками во

время речи Мория. С этих пор между двумя сановниками начинается вражда, которая позже перерастает в войну.

О преемнике Бидацу, государе Ё:мэй, в «Анналах» сказано, что он «верил в закон Будды и ценил Путь Богов» 佛法を信じたまひ神道を尊びたまふ, *хотокэ-но минори укэтамаи ками-но мити-ото:тобитамау*. Его правление было недолгим (с осени 585 г. до весны 587 г.); когда занемог, государь высказал желание обратиться к Трем Сокровищам. И снова представители родов Мононобэ и Накатоми возражают против этого решения, а Сога поддерживает его. Сын Сиба Датито по имени Курацукуруино Тасуна 鞍部多須奈 говорит: «Твой слуга ради государя примет монашество, чтобы шествовать путем Закона Будды. И еще: сооружу статую Будды высотой в одиндзё: и шесть сяку и построю храм» (Нихон сёки. Указ. изд. Т.П. С.83). Эти его слова считаются первым буддийским «обетом», принесенным в Ямато.

В отечественных книгах по истории буддизма буддийскими иногда «обетами» называют пять главных запретов: на убийство, воровство, распутство, прием опьяняющих напитков и ложь. Или же имеются в виду более обширные списки запретов, обязательных для монахов, либо действия, которые должен совершать бодхисаттва. Подобные предписания по-японски называются *кай*, мы обозначаем их как «заповеди». Следование всем или некоторым заповедям необходимо для того, чтобы занимать то или иное место внутри буддийской общины — место мирянина, ученика, готовящегося к принятию монашества, собственно монаха и т.д. Каких-либо конкретных благих последствий, помимо принадлежности к общине, исполнение «заповедей» за собою не влечет. В отличие от них, «обеты» 誓願 *сэйган*, или коротко 願, *ган*, — это обязательства совершить какие-то деяния с четко названной целью, как в данном случае «ради государя» (его выздоровления или благоприятного будущего рождения). В следующем свитке «Анналов» говорится, что многие знатные семьи начиная с 594 г. стали строить храмы «ради достижения благополучия своих господ и родителей» (Нихон сёки. Указ. изд. Т.П. С.91) — их действия тоже относятся к числу «обетов». В качестве «обетов» могут выступать обязательства возвести новый или починить обветшавший храм, изготовить статую, переписать сутру, сшить одежду для монахов — или, как в данном случае, самому принять монашеские «заповеди».

Указанный размер статуи (около 5 м), как считается, соответствовал росту Будды Шакьямуни. На картинах с изображением нирваны Будды тело лежащего Шакьямуни также примерно втрое превосходит размерами «обычные» человеческие тела его учеников. Далее в летописи указано, что еще были сооружены два изваяния бодхисаттв, размещенных по бокам от Будды (возможно, и в этом случае «размеры» указывают не на действительную высоту статуй, а на соотношение в росте между Буддой и бодхисаттвами (*Kidder E.J.Jr. Op.cit. P.236*). Такие изображения с сидящим буддой в середине и двумя бодхисаттвами по обе стороны от него также были

распространены и в Корее, и в древней Японии. Общее их название — «трое почитаемых» 三尊, *сандзон*, в западном искусствоведении этот термин принято передавать словом «триада». Все статуи установили в храме Саката 坂田 в местности Минабути 南淵. Сам Тасуна позже действительно принял монашество.

После смерти Ё:мэй государем стал его брат Сусюн 崇峻 (прав. 587–592). О его отношении к Закону Будды и к Пути богов в «Анналах» ничего не сказано. При нем три первых в Ямато буддийских монахи выразили пожелание отправиться в Пэкче «для изучения заповедей» (Нихон сёки. Указ. изд. Т. II. С. 84). В «Записках храма Ганго:дзи» монахи объясняют Сога-но Умако, что хотели бы пройти в Пэкче монашеское посвящение: «Для людей, "вышедших из дому", основа — это заповеди» 出家の人は戒を以て本とす, *Сюцукэ-но хито-ва кай-о мотэ хон-то су* (Буддизм в Японии. С. 419). Некий «гость из Пэкче» по просьбе Умако разъясняет, что для такого посвящения нужны десять монахинь, прошедших посвящение по всем правилам. Отправиться в Пэкче монахиням удалось в 588 г., а в 590 г. монахи вернулись и поселились в храме Сакураи.

Буддийский монашеский устав требует, чтобы при обряде «вручения заповедей» присутствовало три наставницы и семь свидетельниц из числа монахинь. Для посвящения монаха нужны три наставника и семь свидетелей — всего десять монахов. Позднее, когда в 588 г. в Ямато прибывают монахи из Пэкче (см. ниже), монахи всё равно настаивают на своей поездке, и Умако разрешает им отправиться за море. В «Записках» всё то время, пока обсуждается вопрос о монахинях, разные лица указывают на необходимость основать в Ямато также и храм с монахами-мужчинами, поблизости от женского. Такой храм начинают строить в 588 г. По возвращении монахи сообщают, какое именно посвящение они прошли: это было вручение «шести заповедей», а затем — «полных заповедей». В первом случае имеется в виду так называемое посвящение в «шесть законов», санскр. «шикшамана». Оно существует только для женщин и требует принятия шести заповедей: запретов на убийство живых существ, на воровство, распутство, прием опьяняющих веществ, ложь и вкушение пищи в неуточное время. Полные заповеди для монахинь содержат 348 запретов, а для монахов — 250. Правильному посвящению монахов в древней Японии придавалось немалое значение, и в частности, именно с ним, а не только с обучением, были связаны поездки японских монахов в Китай.

В 588 г. из Пэкче прибывает несколько монахов, а также строители храма, художник и наставники по отливке статуй и по изготовлению черепицы^[9]. Вместе с этими людьми прибывают посланцы с данью и «шарира». Здесь мы видим, что передача «останков» Будды Шакьямуни из одной страны в другую не считалась невозможной и находилась в одном ряду с присылкой мастеров для строительства храма — поскольку в храме должна была быть пагода, а значит, и «шарира» в этой пагоде. После возвращения из Пэкче трех монахинь в 590 г. посвящение прошли еще несколько женщин из

переселенческих семей, в том числе и бывшие ранее замужем, а также мужчины — Курацукури-но Тасуна и другие. Завершение строительства галерей с жилищами для монахов и «золотого зала» в храме Хо:ко:дзи «Анналы» относят к 592 г. А в 593 г. в основание столпа его пагоды были заложены *шарира*.

В 592 г. государь Сусюн был убит по приказу Сога-но Умако (так как тому передали, будто бы государь высказывал желание покончить с Умако как со своим врагом), и государыней стала Суйко, вдова государя Бидацу и сестра Ё:мэй и Сусюн. Дворцы ее и позднейших государей вплоть до начала VIII в. располагались на равнине Асука, там же строилось и большинство тогдашних храмов. На деле в годы правления Суйко у власти находились трое: она, ее дядя Сога-но Умако и ее племянник, царевич Умаядо, назначенный ее наследником.

В «Записках храма Ганго:дзи» о Суйко говорится: «**законы духовные и светские она поставила вровень...**» 道俗の法を並べて, *до:дзоку-но хо:-о нарабэтэ* (Буддизм в Японии. С.420). Рассказ о ее правлении в «Анналах» содержит сообщения о прибытии множества монахов из Пэкче и Когурё, а также о строительстве новых храмов и изготовлении различных изображений для них. В 605 г. были изваяны Шакьямуни и двое бодхисаттв высотой в 6 *дзё:* (около 18 м)^[10], из меди с позолотой, на что затрачено было 23000 *кин* (около 14 тонн) меди и 759 *рё:* золота (28,5 кг). Статуя Будды не проходила в двери «Золотого зала» храма Хо:ко:дзи, но мастер, создавший ее — Курацукури-но Тори 鞍部鳥^[11] — нашел способ внести ее в зал. Заметим, что здесь в «Анналах» речь идет об искусстве Тори, но не о чуде — в отличие от «Японских легенд о чудесах», где приводится много подобных рассказов о необычных свойствах статуй, свитков с сутрами и др., в том числе о внезапном изменении их размеров.

Под 605 г. впервые упоминаются не только статуи, но и вышивка. Одна из вышивок начала VII в. сохранилась во фрагментах: она называется *Тэндзюкоку-мандара* 天寿国曼荼羅, «Мандала страны небесного долголетия». По мнению многих исследователей, на вышивке представлена картина «Чистой земли» 淨土, *Дзё:до*, — счастливой страны будды Амида 阿弥陀. Однако на ней изображены также лунный заяц и черепаха — чудесные животные из китайских даосских преданий, связанных с поисками «долгой жизни» 寿, *дзю*, кит. *шоу*. (См. *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. М., 1974. С.201-202.)

Словом «мандала» 曼荼羅, *мандара*, могут обозначаться любые рисованные, вышитые, каллиграфические и другие изображения, используемые в буддийских храмах.

К годам правления Суйко относятся новые сообщения о постных трапезах с участием большого числа монахов. В частности, такие трапезы прошли в во всех храмах Ямато в 606 г. в пятнадцатый день седьмого месяца (день 盂蘭盆, *урабон*, санскр. «уламбана») и в восьмой день четвертого месяца

(день нирваны Будды). Оба эти обряда, особенно первый, были связаны с поминовением умерших. Можно считать, что с этого времени в Ямато начинают устанавливаться годовые буддийские праздники.

Осенью седьмого месяца наследник Сё:току в течение трех дней толкует «Сутру о Шримале». И он, и скульптор Тори за свои деяния получают пожалования — рисовые поля. О Тори говорится, что на полученные средства он построил храм Конго:дзи 金剛寺, также известный как храм Саката в Минабути, а дары Сё:току пошли на обустройство храма Икаруга 斑鳩. Вместе с тем, весной 607 г. государыня объявляет, что все сановники должны почитать богов Неба и Земли, как то делали государи-предки, и чиновники во главе с наследником Сё:току и Сога-но Умако исполняют ее повеление в 15 день 2 луны. Таким образом, здесь составители «Анналов» обращают внимание на то, что государыня и ее приближенные не отдают предпочтения обрядам Будды или местных *ками*, но стараются соблюдать равновесие между теми и другими.

[1] В древности в Китае «закон» обозначался иероглифом 法, кит. *фа*, как в названии «школы законников», 法家, *фацзя* (они же «легисты»). Однако это понятие относилось к закону как таковому, к основе государственного устройства — в отличие, например, от «ритуала» 禮, кит. *ли* — но не к конкретным законодательствам. В этом смысле нескольких «законов» быть не может. Даосское и конфуцианское учения не именуется «законами»; поначалу это название закреплено было за «законниками», а потом — за буддистами. Что же до «различных дхарм», уступающих Дхарме Будды, то под ними в буддийских источниках могут пониматься индийские небуддийские учения (например, брахманские), а также собственно буддийские построения, почему-либо опровергаемые в данном источнике.

[2] И даже резче: «чужого», «варварского» — таковы значения иероглифа 蕃, *бан*, чтение *атаси* несколько смягчает их.

[3] Имеется в виду Шакьямуни, рожденный в семье правителя народа шакьев.

[4] В «Записках» государыня Суйко предстает как преданная почитательница Закона Будды, главная его защитница в первые годы его распространения в Японии. Говорится, что именно она, достигнув столетнего возраста, повелела своему наследнику составить «Записки храма Ганго:дзи».

[5] «Анналы» называют его старостой общины «шорников» 鞍部, Курацукури-бэ

[6] В «Японских легендах о чудесах» об этом человеке говорится, будто именно он в свое время изваял статуи из камфарного дерева, найденного в море — см. ниже.

[7] Это имя составлено из первых знаков имен двух «наставников» девушки, Хэ Пхёна и Дзэнсин. В дальнейшем монахам нередко также давали имя, в которое входил бы один знак из имени их учителя. Иногда этот же иероглиф переходил потом к ученикам этих монахов, так что уже по имени можно было видеть, к кому из знаменитых учителей восходит посвящение того или иного монаха.

[8] Не вполне ясно, чьи «желания» здесь имеются в виду: Сога-но Умако или же самих «шарира».

[9] Крыши храмов периода Асука покрывались черепицей, в отличие от прочих строений, в том числе и дворцов государей, где использовались древесная кора или тростник.

[10] «Анналы» называют более обычный размер статуй: 1 дзё: и 6 сяку.

[11] Об этом скульпторе см. *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. М., 1974. С.166-172.